

Цай Чжи, стоявшая рядом, не смогла сдержать эмоций: прикрыв рот рукой, она расплакалась. Когда Янь Лян покидала дворец, о её плане знала лишь одна Лю Янь. После исчезновения принцессы Цай Чжи и впрямь была напугана до глубины души, месяцами терзаясь страхами за госпожу, опасаясь, что с Седьмой принцессой приключилась беда.

Несмотря на юный возраст, Цай Чжи провела во дворце уже немало времени. До Дворца Чанлэ она служила у одной из младших наложниц, которая впоследствии скончалась от болезни. Тогда-то Цай Чжи и попала в Чанлэ, заполнив освободившееся место.

По сравнению с прежней госпожой, что то и дело кричала и била служанок, Цай Чжи искренне благодарна и привязана к новой хозяйке — Седьмой принцессе. Та никогда не притесняла прислугу, а Лю Янь распределяла работу справедливо и без лишней тяжести. Время в Дворце Чанлэ и впрямь стало для Цай Чжи лучшей порой во всей её дворцовой жизни.

И вот, увидев наконец Седьмую принцессу, вернувшуюся целой и невредимой, Цай Чжи не удержалась — слёзы радости хлынули сами.

Чжэнь Чжу, поступившая в Чанлэ вместе с Цай Чжи, заметила её покрасневшие глаза и с усмешкой молвила:

— Ну что, теперь успокоилась? Лю Янь ещё тогда говорила: с госпожой непременно всё будет в порядке.

Лю Янь, без сомнения, была самой доверенной служанкой Янь Лян, и все обитатели Дворца Чанлэ почитали её главной.

— Я-я знаю, слова сестры Лю всегда верны... — всхлипнула Цай Чжи. — Но... но...

Чжэнь Чжу покачала головой и не сдержала лёгкого вздоха:

— Эх, вся душа у тебя — к госпоже. Хорошо бы принцесса знала о твоих чувствах. Только вот, похоже, в нашем Чанлэ она запомнила разве что имя Лю Янь. Тебя-то она до сих пор Фэйцуй зовёт? Я уж думала, не дала ли она тебе нового имени!

Цай Чжи промолчала.

Она лишь шмыгнула носом.

Если бы принцесса и вправду дала ей новое имя — что могло быть лучше...

.Опочивальня.

Янь Лян не любила, когда слуги находились рядом, поэтому в её спальне обычно никого не было. Она уже собиралась притворить дверь, как вдруг раздался едва слышный звук: «Чик».

Янь Лян опустила взгляд — к её ногам подкатился пушистый белый комочек.

Будь её движение чуть быстрее, Гоуцицзы оказался бы зажат створкой.

Осознав, что вовсе не заметила, как этот малый возник рядом, Янь Лян осталась довольна его скрытностью. Даже сейчас, когда Гоуцицзы едва держался на лапках и неуклюже переваливался с боку на бок, он казался ей весьма милым.

Зная, как обычно Гоуцицзы робел в её присутствии, Янь Лян не верила, что он вдруг

переменился и сам пришёл к ней.

Оставался лишь один вариант.

Янь Лян взглянула на его лапки.

Гоуцицзы, едва устояв на круглом тельце, дрожа протянул одну малую лапку.

На ней была аккуратно сложенная записка. Из-за пушистой шёрстки и коротких ножек письмо с первого взгляда и не разглядеть.

Увидев его, Янь Лян невольно улыбнулась. Она присела, сняла письмо с лапки Гоуцицзы и, не теряя мгновения, развернула, жадно пробегая глазами по строчкам.

Взгляд упал на несколько строк изящного, лёгкого почерка — того самого, что она видела на бесчисленных рецептах, написанных рукой Му Цинмянь, знакомого до костей. Скользя по каждому иероглифу, Янь Лян будто слышала в ушах тот чуть холодноватый, ясный голос: «Лянъэр, прими письмо с пожеланием мира».

«Торговый дом Хуэйхэ и Дворец Данься оказали великую помощь. Благодарю».

«Принимай снадобья вовремя и в назначенной мере. Если признаки изменятся, опиши подробно».

Глаза Янь Лян изогнулись от улыбки.

Она и вправду получила письмо, которое Цинмянь-цзе написала ей по своей воле!

Не раздумывая, Янь Лян кинулась к письменному столу, схватила кисть, тушь и бумагу и тут же принялась писать ответ.

Взгляд Великой Колдуньи наконец от неё отвлёкся, и Гоуцицзы мгновенно обмяк, чуть не опрокинувшись на спину.

Он подпрыгнул на месте, размял затекшие лапки и заковылял к письменному столу, ожидая, когда Янь Лян закончит письмо и вручит ему.

Гоуцицзы взмахнул крылышками, взлетел на столешницу и устроился в самом дальнем углу, спрятав лапки под пушистым брюшком, — стал круглым белым комочком.

По сравнению с письмом Му Цинмянь, уместившимся в три строки, ответ Янь Лян оказался куда длиннее. Глядя, как та выводит иероглифы, Гоуцицзы отметил, что движения её куда увереннее и быстрее, чем у Му Цинмянь. Та сидела за столом, выписывая каждый знак с толком, а эта стояла рядом и писала размашисто, с лёгкостью.

И всё же... как ни крути, а обе хозяйки, когда писали письма, казались Гоуцицзы очень похожими.

Он слегка склонил головку.

Обе были... невероятно сосредоточены.

И Му Цинмянь, и Янь Лян — когда писали друг другу, казалось, в их глазах не существовало ничего, кроме этого листа.

Гоуцицзы помнил, как несколькими днями ранее они с Му Цинмянь исцелили целую деревню. Та не смыкала глаз несколько суток, и, едва устроив последнего больного, рухнула на землю, не в силах более держаться.

К счастью, деревенские жители, спасённые Му Цинмянь, быстро окружили её заботой. Очнувшись, Му Цинмянь какое-то время пребывала в оцепенении, пока обрадованная её пробуждением девочка не накормила её кашей. Лишь тогда в её глазах постепенно появился свет.

Гоуцицзы подлетел к её руке и нежно потёрся пушистой головой. Затем он заметил, как рука Му Цинмянь дрогнула, поднял взгляд и увидел в её глазах нечто вроде внезапного озарения, оттенённого лёгкой тревогой.

Голос Му Цинмянь был хриплым, звучал тихо и слабо, когда она спросила у присматривавшей за ней девочки:

— Скажи... есть ли здесь бумага, тушь и кисть?

Девочка растерянно огляделась, ничего не нашла, но тут же вспомнила, что такие вещи наверняка есть у учёного мужа на восточном краю деревни, и быстро ответила:

— Сестрица-целительница, подожди! Я сейчас принесу!

Учёный муж с востока деревни был чванливым педантом. Увидев, что жёлтоволокосая девчонка просит бумагу и тушь, он сразу надулся, не желая отдавать добро, — мол, негоже малолетке портить хорошие вещи.

Однако, услышав, что это нужно «сестрице-целителю», учёный переменялся в лице и, не говоря ни слова, развернулся, собрал всё необходимое — взял самое лучшее, что было в доме, — и, наказав девочке непременно донести вещи в целостности, вручил ей.

Получив всё, Му Цинмянь, несмотря на слабость, накинула верхнюю одежду, зажгла светильник и села за стол, взяв кисть.

Девочка к тому времени уже ушла, женщины, что ухаживали за Му Цинмянь, тоже были ею отправлены по домам. В полумраке комнаты остались лишь Му Цинмянь да Гоуцицзы. Тот знал: хозяйка наверняка собирается написать письмо другой хозяйке, и потому терпеливо устроился рядом с пресс-папье.

Но шло время, масло в светильнике понемногу убывало, а Му Цинмянь всё не начинала писать.

Гоуцицзы тихонько чирикнул:

— Чик?

Му Цинмянь подняла на него взгляд, протянула руку, погладила по голове и словно сама себе проговорила:

— ...Мне следовало написать Ляньэр раньше. Она уж наверняка давно ждёт... Только в пути всё никак не удавалось выкроить время, вот и тянула до сих пор...

Она слегка наморщила брови, и в голосе зазвучала тревога:

— ...Неужели опять будет плакать и капризничать?

Гоуцицзы...

Картина, как Янь Лян плачет и капризничает, тут же возникла у него перед глазами.

И он вздрогнул.

Хотя, будь Янь Лян рядом с Му Цинмянь... такое, пожалуй, и впрямь могло случиться.

<http://bllate.org/book/16273/1465201>